

На краю руин сине-красные огни сирен сплетались в мерцающую сеть.

Спасательные машины выстроились по внешнему периметру завалов, сотрудники в светоотражающих жилетах натягивали сигнальную ленту. Прожектор выхватил из темноты обрушившееся здание, и в его лучах кругом оседала серая пыль, похожая на снег. Никто не замечал, что в самом сердце руин, на обломке бетонной балки, сидели две девочки, а под их ногами лежали перекрученная арматура и куски разбитого бетона.

Фетт подняла голову к небу.

Луна уже полностью выплыла из-за туч, и ее серебристый свет пал на лицо девочки, делая отчетливо заметными оставшиеся следы недавно исчезнувших черных узоров — они походили то на паутину, то на какой-то древний ритуальный орнамент.

— Шрамы останутся? — тихо спросила Наёха. Она уже рассеяла трансформацию, ее школьная форма была сплошь покрыта пылью, а на коленке зияла дыра.

— Это следы магической эрозии, они исчезнут через день-два, — ответила Фетт. Ее голос вновь стал ровным, но в нем уже не было прежней ледяной отчужденности. — А вот ты... Последствия принудительного резонанса будут куда серьезнее. Сегодня ночью начнется жар, а завтра будет ломить все мышцы.

Наёха попыталась пошевелить рукой, и ее тут же пронзила тупая боль. Но она не придала этому значения, лишь достала из сумки фляжку и протянула ее Фетт.

— Выпей воды, ты совсем охрипла.

Фетт посмотрела на фляжку с изображением мультяшного кролика и не взяла ее.

— Мне не нужно.

— Нужно, — настояла Наёха, вкладывая фляжку ей в руку. — К тому же у меня их две, эта запасная.

Фетт пару секунд смотрела на фляжку, наконец отвинтила крышку и сделала маленький глоток. Теплая вода скользнула по пересохшему горлу, принесла с собой странное, но до боли знакомое утешение — странное, потому что о ней уже так давно никто не заботился, и знакомое, потому что давным-давно, когда она была совсем маленькой, мама точно так же протягивала ей воду.

— Насчет твоей мамы... — осторожно начала Наёха. — Расскажешь мне подробнее?

Фетт опустила фляжку, ее пальцы машинально гладили изображение кролика на пластике.

— Пресия Тестаросса, — произнесла это имя, она наполнила голос удивительной мягкостью. — Один из сильнейших магов Пространственно-временного управления, а еще... создательница Бардиш.

Наёха широко раскрыла глаза.

— Она больна, — продолжила Фетт, устремив взгляд в далекую пустоту. — Это болезнь магической эрозии, ее корень кроется на генетическом уровне. Медицинские технологии Управления бессильны ее излечить, а в записях древней цивилизации Белка нет противоядия. Единственная надежда — Камни Души.

— Потому что Камни Души способны переписывать реальность?

— Они могут ненадолго реконструировать материальные законы, — поправила ее Фетт. — Теоретически, если активировать двадцать один Камень Души одновременно и сформировать полноценный «массив реконструкции мира», можно пересобирать ее генетическую последовательность на микроуровне и полностью смыть эрозию.

— Но это потребует жертв?

— Чудовищной цены, — голос Фетт стал совсем тихим. — Сила Камней Души нестабильна, процесс реконструкции может вызвать цепную реакцию. В худшем случае... под удар пространственного шторма попадет весь столичный округ Мидчайлд.

Наёха судорожно втянула воздух.

— Вот почему Управление запретило эти исследования. Они конфисковали все маминь материалы, упрятали ее в санаторий под домашний арест и объявили всем, будто она «ушла в отставку из-за травмы на службе», — кулаки Фетт сжались. — Но я знаю, что она продолжает исследования. Используя данные, которые тайком оставила, используя образцы, что я привожу из каждой миссии, используя остатки ее уходящей жизни...

— Поэтому ты так спешишь, — догадалась Наёха. — У нее осталось совсем мало времени.

Фетт кивнула:

— Врачи говорят — максимум три месяца. Через три месяца эрозия доберется до сердца, и тогда...

Она не договорила, но Наёха все поняла.

В лунном свете тени двух девочек сильно вытянулись и сплелись на руинах.

— Но, Фетт, — тихо произнесла Наёха. — Если за исцеление твоей мамы придется заплатить жизнями других людей, разве она будет рада?

Тело Фетт оцепенело.

— Мама... — спустя долгое время проговорила она, и голос ее звучал почти беззвучно. — Ее никогда не волновали чужие жизни. Ее волнуют только исследования, только прорывы, только... «выполнение долга».

— А ты? — спросила Наёха. — Тебя это волнует?

Фетт не ответила.

Но вода во фляжке в ее руке пошла рябью от легких кругов.

Вдалеке спасатели начали поисковую операцию, двигаясь в их сторону. Лучи карманных фонарей шарили среди полуразрушенных стен.

— Нам пора, — Фетт поднялась на ноги и вернула пустую фляжку Наёхе. — Следующая активация Камней Души будет через четыре дня, место — неподалеку от моста Хайминг. Особенность того камня — «усиление резонанса», он притянет к себе собратьев из окрестностей. В этот раз...

Она замолчала и посмотрела на Наёху:

— Будет опасно. Ты можешь не приходить.

Наёха тоже встала, отряхнула пыль с юбки и протянула руку к Фетт.

Это было не рукопожатие, а приглашение — раскрытой ладонью вверх.

— Я приду, — ответила она. — И не только чтобы помочь тебе вернуть Камни Души. С сегодняшнего дня мы — напарницы.

Фетт посмотрела на протянутую руку.

Чистая, теплая, с крошечными мозолями от тренировок с мафией и царапинами от ночного боя.

Рука ребенка.

Рука, протянутая прямо в бездну.

— Напарницы... — Фетт повторила это слово, словно пробуя на вкус никогда прежде не едовую конфету — непривычно, но чуточку сладко. — У меня нет напарников. Только мама и... задание.

— Теперь есть, — Наёха не убирала руку. — Первая напарница, первая подруга. Пусть у меня не всё будет получаться, но я постараюсь.

Лучи далеких фонарей приближались.

Фетт наконец протянула руку и сжала ладонь Наёхи.

Ее собственная рука была холодной, а рука Наёхи — теплой.

Холод и тепло слились воедино в лунном свете.

— Через четыре дня, у моста Хайминг, — произнесла Фетт. — В восемь вечера, не опаздывай.

Затем она развернулась, и под ее ногами раскрылся золотой круг телепортации.

— Фетт! — окликнула ее Наёха.

Фетт оглянулась.

— Твоя мама... она любит тебя? — задала Наёха самый опасный вопрос.

Силуэт Фетт растворялся в золотом сиянии.

— Я ей нужна, — бросила она напоследок и исчезла.

Лишь эти слова растаяли в ночном ветре.

Наёха стояла на прежнем месте, сжимая ладонь, на которой еще оставалось тепло Фетт.

— Нужна и любит... это ведь совсем не одно и то же, — тихо прошептала она.

Луч фонаря спасателя наконец упал на нее.

— Эй! Там ребенок! Живее сюда! Здесь опасно!

Наёха повернулась и побежала навстречу этому свету.

А в недоступном для нее измерении Фетт стояла на крыше другого здания и смотрела сверху на окруженную спасателями Наёху.

— Бардиш, — тихо произнесла она. — Данные принудительного резонанса проанализированы?

[Анализ завершен. Магические характеристики Такамати Наёхи: чистота 99,7%, аномальная совместимость, коэффициент резонанса с магическим контуром хозяина достигает 82%. Вывод: она действительно способна...]

— Способна на что?

[Способна разделить нагрузку массива реконструкции мира и снизить риски]

Фетт закрыла глаза.

Лунный свет пал на ее лицо, отбросив тень от рекордно длинных ресниц и вычертив едва заметный изгиб в уголках губ.

Горький изгиб.

— Значит, с самого начала... — пробормотала она сама себе. — Сердце Небес выбрало ее именно поэтому?

Бардиш не ответил.

Да и не нужно было отвечать.

Изображение замерло на моменте, когда Наёха бежала к спасателям.

На ее лице были пыль, пот, усталость от боя, но глаза горели — это были глаза человека, который нашел свой путь.

Полоска прогрессии качнулась:

Прогресс наблюдения: 15.3%

В пространстве по-прежнему стояла тишина, но на этот раз тишина иная.

Прежде это было оцепенение от шока, теперь же — тяжелые раздумья.

— Нужна и любит — не одно и то же, — повторил Ван Мо последнюю фразу Наёхи. — Но Фетт... она же прекрасно понимала это, и всё равно решила отдать всё ради мамы, которой она просто нужна.

— Потому что мама — ее единственная опора, — тихо произнесла Чэнь Сысы. — Когда в чьем-то мире остается всего один человек, этот человек становится целым миром. Даже зная, что это потребно — лишь использование, даже зная, что той «любви» может не существовать... у нее просто нет другого выбора.

Шу Янь снял очки и потер переносицу:

— Риски после сбора всех Камней Души Фетт прекрасно осознает. Но она все равно выбирает идти до конца, потому что жизнь матери для нее важнее всего столичного округа. Это... безвыходное положение.

— Никакое оно не безвыходное, — Янь Цзю изящно стукнул веером по ладони. — Это выбор, который уже сделан. На одну чашу весов она положила мать, на другую — весь мир, и не колеблясь выбрала мать. Очень эгоистично, но... чертовски правдиво.

Фея Цветов сплела руки на груди:

— Но Наёха сказала, что попытается найти способ сохранить и то, и другое. Разве это возможно?

— Теоретически — нет, — ответила Ши Си. — Суть силы Камней Души — это «эквивалентный обмен». Чтобы исцелить магическую эрозию на генетическом уровне, потребуется энергия такого порядка, которая способна исказить законы пространства в локальном масштабе. Жертвы неизбежны, вопрос лишь в том, кто именно их понесет.

Принц Воды неожиданно подал голос:

— Фетт использует Наёху.

Вззоры всех обратились к нему.

— Тот вопрос, который она задала Бардишу, — голос Принца Воды оставался безмятежным, как гладь озера. — Она хотела узнать, сможет ли Наёха разделить нагрузку. Это не вопросы напарников, это... оценка инструмента.

— Но она же пожала Наёхе руку! — возразил Цзянь Пэн. — И сама назвала ее «напарницей»!

— Вот поэтому она и противоречит сама себе, — лениво протянула Ду Сифэй. — С одной стороны, хочет использовать Наёху как инструмент, с другой — жаждет этого тепла. Человеческая нация всегда так сложна и смешна.

Мандола все это время хранила молчание, но теперь тихонько усмехнулась.

Смех был легким, но исполненным едкой иронии.

— Чего ты смеешься? — поморщился Пан Цзунь.

— Я смеюсь над этой Фетт, — произнесла Мандола. — И над этой Наёхой. Одна возомнила, что нашла спасение, другая — что приносит спасение. Но разве спасение дается так легко? Некоторые раны слишком глубоки, настолько, что туда не проникает даже свет. Некоторые одержимости слишком тяжелы, настолько, что их не сдвинуть с места одной искренностью.

Синь Лин посмотрела на сестру, в ее глазах мелькнули сложные эмоции:

— Но по крайней мере они попытались. Попытались протянуть руку друг к другу, попытались понять, попытались вместе отыскать третий путь. Уже это само по себе — надежда.

— Надежда? — наконец заговорил Ши Ван, его голос под маской звучал зловеще и глухо. — Надежда — это роскошь для тех, у кого есть выбор. У этой Фетт нет выбора, а у ее мамы нет времени. Так что так называемый поиск третьего пути — всего лишь плацебо, чтобы отсрочить конец.

Он замолк на секунду, а затем продолжил:

— Но эта Наёха... она подсунула Фетт кое-что куда более опасное.

— Что? — спросила принцесса Цин.

— Выбор, — ответил Ши Ван. — Между «спасти маму и уничтожить всё остальное» и «отказаться от мамы и спасти всё остальное» она нагло втиснула третий вариант: «возможно, найдется способ спасти маму и не уничтожать остальное». Пусть этого варианта не существует, пусть это всего лишь иллюзия... но жить с выбором и жить без выбора — это две совершенно разные судьбы.

Он приподнял голову, и взгляд из-под маски, казалось, пронзил изображение насквозь, устремляясь в далекое будущее.

— Так что дальнейшее развитие событий будет весьма занятным. Когда иллюзия разобьется вдребезги, когда третий путь окажется тупиком... кем станут эти две девчонки?

— Свалятся ли они обе в бездну?

— Или кто-то вытянет другую?

— Или...

Его пальцы выстукали по подлокотнику финальный аккорд:

— На краю пропасти расцветет цветок, которого еще никто никогда не видел?

Экзаменационное изображение стало медленно блекнуть, готовясь переключиться на следующую сцену.

Но все присутствующие все еще оставались во власти только что отзвучавшего диалога.

Погруженные в жестокую правду о том, что «нужна и любит — не одно и то же».

Завороженные двумя крепко переплетенными ладонями в лунном свете.

И оглушенные той легко брошенной фразой, тяжелой, словно гора Тайшань:

— Через четыре дня, у моста Хайминг.

Раздался нейтральный механический голос:

[Наблюдение этого фрагмента завершено]

[Индекс колебаний эмоций наблюдателей: 91%]

[Обнаружена потребность в глубоком осмыслении и дискуссии]

[Следующий фрагмент потребует работы с высокой плотностью информации и сложными моральными дилеммами]

[Рекомендуется подготовиться психологически]



Кто-то в зале тяжело вздохнул, кто-то молчал, а кто-то сжимал кулаки до побелевших костяков.

А Ван Мо просто смотрела на застывший финальный кадр: Наёха бежит к свету, Фетт стоит в тени.

Две девочки, два разных направления.

Но они договорились встретиться через четыре дня.

У моста Хайминг.

Там, где неизбежно должно было что-то произойти.

<http://bllate.org/book/21178/2144954>